Красота коснувшаяся чудовища

BEAUTY

#1

СКАЙ УОРРЕН

Annotation

Эрин убирается в доме мистера Морриса два раза в неделю, впитывая каждое мгновение с бывшим солдатом–затворником, в которого тайно влюблена. Блейк Моррис знает, что он изранен как внутри, так и снаружи и не годится для красивой молодой женщины, которая убирает его дом, чтобы заплатить за обучение в колледже. Но когда Эрин видит, как Блейк, постанывает и ублажает себя, называя ее имя – все границы разрушены. "Красота, коснувшаяся чудовища" – короткий эротический рассказ о влюбленных, которые ищут убежище друг в друге. Для достигших 18–летнего возраста.

Скай Уоррен
Красота, коснувшаяся чудовища
«Красота» - 1

Оригинальное Название: *Skye Warren – Beauty Touched the Beast, 2011*
Скай Уоррен — «Красота, коснувшаяся чудовища», 2015
Автор перевода: *Мариша Гаглоева*
Редакторы: *Юля Монкевич*
Оформление: *Катя Задорожняя*

Аннотация

Эрин убирается в доме мистера Морриса два раза в неделю, впитывая каждое мгновение с бывшим солдатом–затворником, в которого тайно влюблена. Блейк Моррис знает, что он изранен как внутри, так и снаружи и не годится для красивой молодой женщины, которая убирает его дом, чтобы заплатить за обучение в колледже. Но когда Эрин видит, как Блейк, постанывает и ублажает себя, называя ее имя – все границы разрушены.

"Красота, коснувшаяся зверя" – короткий эротический рассказ о влюбленных, которые ищут убежище друг в друге.

Для достигших 18–летнего возраста.

Глава первая

Эрин взбегает по ступенькам фермерского дома в хорошем настроении. Она поворачивает ключ и кричит:

– Мистер Моррис, это Эрин.

Он всегда просит называть его Блейком, но по некоторым причинам она сопротивляется. Обычно она не сторонница приличий, но с ним это кажется хорошей идеей. Может его военное прошлое, делает формальность для нее правильной. Или, вероятно, что убираясь у него дома, пока он слоняется рядом, все это выглядит очень по–домашнему. Будет так легко промахнуться, позволив ему увидеть, что она к нему чувствует. А затем она будет идиоткой, онемевшей маленькой девочкой, вздыхающей по мужчине, который ей в отцы годится.

Она вытягивает из сумки книгу и идет вверх по лестнице в поисках своего босса, чтобы отдать ее ему. Вероятно, она могла бы положить ее в книжный шкаф, всегда опрятный и организованный так, что она точно знает, куда поставить книгу. По сути, весь его дом сверкает – от узорчатых половиц, до арочных потолков. Отчасти потому, что он привередлив, а отчасти, потому что она делает генеральную уборку дважды в неделю.

Это одна из тех привычек, которая делает ее работодателя нелюдимым, но и как ни странно, милым.

Она может поставить книгу сама, но ей нужен повод с ним заговорить. Вчера на уроке политологии велся настоящий спор по поводу ООН, и она знает, что он это оценит.

Она просовывает голову в его спальню и обнаруживает его там. Дыхание застревает в ее горле, когда она бросает на него взгляд. Он раскинулся на кровати, его кожа все еще влажная после душа, а полотенце сбилось на его талии.

И он мастурбирует. *Дерьмо.*

Она должна уйти. Это определенно личный момент, а она нарушает его. Она действительно должна повернуться, уйти и совершенно определенно, больше не подглядывать. Вместо этого она остается там, ее глаза прикованы к его обнаженному члену, зажатому в кулаке.

– Боже, детка, – стонет он, закрывая глаза. – Соси его, пожалуйста.

Ее губы приоткрываются в удивлении, потому что она может слышать его через всю комнату. Ее клитор пульсирует от его напряженного голоса, произносящего пошлые слова, и от вида члена, скользящего в его руке.

– Да. *Дааааа.* Так прекрасно. Боже. – Другая его рука перемещается, сжимая яйца. – Вот так, детка. Лижи их. Соси их.

Она широко распахнутыми глазами следит за его лицом, очарованная блеском рубцеватой румяной текстуры, здоровая кожа скривилась в гримасе удовольствия. Его ожоги и грубые черты, возможно, сделали его отталкивающим для некоторых, но она видит только Блейка, с его гениальными идеями и грубоватой добротой.

– Поласкай себя. Да, да. Возьми меня глубже в рот и вставь пальцы в свою киску.

Ее бедра сжимаются, давая ей максимально возможное облегчение. Если бы она пошевелила рукой или ногой, то ей пришлось бы признать, что то, чем она занимается – вуайеризм, а это кажется неправильным. Но она все еще стоит там.

Затем он пораженно стонет ее имя:

– Эрин...

Эрин едва успевает это понять, как он уже кончает себе в руку.

Немного повернувшись, она издает непроизвольный звук, скорее – стон. Тяжелые веки скользят вверх, когда он поворачивается, чтобы посмотреть на нее. Его глаза расширяются в шоке, даже в ужасе.

Подавленная, она поворачивается и бежит вниз по лестнице. Ее имя полетело вслед за ней по ступенькам, на этот раз без страсти, но она не в состоянии вернуться.

Бросившись на кухню, она борется со смущением быть пойманной в компрометирующем положении. Вернее, она поймала *его* в компрометирующем положении. Но так как это его дом и она просто убирается в нем, она совершила самую большую ошибку. Ей придется встретиться с ним и извиниться, но сейчас она не может вернуться в его спальню. Ни сейчас, ни возможно, когда–либо еще.

Ее руки ухватываются за каменный край столешницы, потом проходятся по всей поверхности. Уже чистая, как обычно. Она никогда не совершала ничего настолько неловкого. То есть, подсматривать за приватным моментом мужчины? Это низко. И даже хуже то, что она его так сильно уважает. Он ей *нравится*, а она все разрушила.

Она вытаскивает из шкафа принадлежности для уборки, думая, что может превратить нервную энергию во что–то полезное. Она пришла сюда убираться, а не следить за Блейком и конечно, не быть вуайеристкой.

Блейк слетел по лестнице сразу за ней, одевая свою обычную толстовку. Раньше она восхищалась, как свободно его одежда сидела на его хорошо сложенных плечах и мышцах пресса, но сейчас все, что она в состоянии видеть – это его влажное обнаженное тело. И как если бы она еще не зарекомендовала себя, как трусиху, она отвернулась, будто готовая сбежать.

– Эрин, – говорит он тем низким голосом, который заставляет все внутри сжиматься. – Подожди, пожалуйста.

Она останавливается на полпути и снова поворачивается к нему, желая, чтобы неуместные *сексуальные* картинки ушли. Его красный член. Тонкие путы оргазма. *Черт.*

– Мне жаль, что ты это видела, – произносит он. – Не... уходи. Этого больше не повторится. Пожалуйста.

Она никогда не ожидала увидеть его в таком состоянии – практически умоляющего – ни за что, и уж точно не перед горничной, чтобы она продолжила убираться. Она действительно так хорошо пылесосит?

Но нет, сегодняшний день, как никакой другой доказал, что он *думает* о ней в другом ключе.

Вот почему он держит ее рядом, вот почему он увеличил график уборки и болтает с ней о работе? Должна ли она обижаться? Но обиды нет. Она польщена. И заведена, как черт.

Она бормочет:

– Я не поняла. Вы... Я...

Он закрывает глаза и опускает голову.

– Этому нет никакого оправдания, – говорит он, сглатывая. – Но я не...

Он не договаривает и отворачивается. Часть лица, которой он к ней поворачивается, наиболее травмирована. Этот жест сильнее остальных показывает его страдания, поскольку возможно, он изо всех сил старается скрыть ее.

– Что я могу сделать, чтобы ты не ушла? – спрашивает он.

– Я... Честно говоря, я даже не думала об этом. Я как раз хотела извиниться. За вторжение в вашу личную жизнь. Я не собираюсь уходить.

– Спасибо, – сухо говорит он, либо принимая ее извинения, либо соглашаясь с ней, она не знает. Немного помолчав, он повторяет: – Мне жаль, – и скрывается в своем кабинете.

Она думает, что должна была сказать ему не сожалеть, ведь в конце концов, ничего плохого он не совершил. Но такая поправка может показаться странной. Что она должна была сказать? – *"Продолжайте фантазировать обо мне. Я не против?"*

Это едва ли это сделает ситуацию менее неловкой.

Кроме того, ей нужно время, чтобы все переварить: то, что она увидела, его действия, свои чувства.

Но она только что обещала не уходить, вне зависимости от хода собственных мыслей.

Она, как обычно убирала его дом, а он старался избегать ее. Она оставила его спальню напоследок, и в результате проигнорировала, как сильно ее трусики увлажнились, когда она застилала его кровать.

* * *

"Слава Богу, она не ушла", – подумал он, скрываясь в кабинете. Он знал, что она приедет с минуты на минуту, а у него не получилось ослабить эрекцию под холодным душем. Ему нужно было позаботиться об этом, прежде чем она приедет. Ей нельзя видеть его неуместное желание. Это все разрушит. Но он просчитался, причем сильно.

Из всех возможных способов потерять ее, этот был самым позорным. Хоть он ей и не *обладает*, он может видеть ее дважды в неделю, и говорить с ней больше, чем он того заслуживает. И он чертовски благодарен за это. Он предпочитает не анализировать этот жалкий факт.

С его стороны было низко использовать ее работу, чтобы удерживать ее в доме, таким чистым его дом никогда не был, но он не может придумать иного пути держать ее рядом с собой. Кто–то настолько прекрасный и добрый не захочет иметь дело с таким гребаным трусом, как он, но будь он проклят, если достаточно эгоистичен, чтобы так или иначе заставлять ее. Одному Богу известно, что у него нет ни красоты, ни обаяния, ни как свидетельствует произошедшее ранее – разума, чтобы занимать место рядом с ней.

"Великий интеллектуал", – думает он с отвращением и дикостью. Не то чтобы ему нет оправдания. – "Господи, она была прекрасна".

Вид того, как она смотрела на его кончающий член, лишь раздразнил его желание, но лучше не думать об этом, если он не хочет повторного представления. Быть уродливым и истерзанным шрамами, сломленным как внутри, так и снаружи, уже достаточно плохо, не так ли?

Конечно, ему не стоило добавлять "жуткий старый эксбиционист" в список своих недостатков.

ГЛАВА 2

Час спустя после своей очередной уборки, Эрин начала беспокоиться. Она надеялась, что все вернется к норме, но Блейк все–таки избегал ее. Он спустился, чтобы поздороваться с ней, и все. Он не сидел на диване, пока она складывала одежду, или не стоял, прислонившись к книжным полкам, пока она протирала пыль. Он не сказал ей, какую книгу писал и какую ищет статью, не спросил ее о занятиях. Ничего обычного.

Сегодня он одет в джинсы и рубашку. Обычно дома он ходит в спортивных костюмах, очень удобных, теплых и тонких от частого ношения и стирки. Он работает дома и почти не выходит на улицу. Плюс он сторонится общества, доставляющего такой же дискомфорт, как ношение повседневной одежды.

Она может только догадываться, что эта формальность – реакция на инцидент прошлой недели.

Возможно, теперь он чувствует себя незащищенным с ней, и хотя она не винит его, себя она чувствует жутко виноватой.

Не помогает и то, что у нее были отчетливые сны о нем и его члене две ночи подряд.

Во снах он говорил всё те же слова, но она была там, обнаженная перед ним, и она делала все, что он просил.

"Мастурбация с мыслями друг о друге – зараза, которую я подхватила", – сухо подумывает она.

Он вышел из кухни со стаканом воды, когда она туда вошла. Обеспокоенная и отчаявшаяся, она хочет сделать для него все более комфортным.

– Мистер Моррис, – зовет она. Когда он замирает, она смягчает голос. – Блейк, я хотела бы еще раз извиниться за то, что случилось в прошлый раз. Мне следовало уйти сразу же, когда я увидела, что вы делали... Ну, я просто удивилась, – поясняет она.

Теперь он тоже выглядит удивленным.

– Извинения приняты.

Он сверкает тем, что как она полагает, является заискивающей улыбкой, но она больше похожа на гримасу. *Что* заставляет ее вспомнить, как он выглядел во время экстаза. *Черт.*

Сейчас она действительно должна заткнуться, но она не может остановиться.

– Интересно, вы... то есть... вы *думали* обо мне... не так ли? – спрашивает она.

Его глаза расширяются, а губы сжимаются.

– Ну, просто, интересно... Это была просто мимолетная мысль или более... – Она замолкает.

Он выглядит не на шутку взволнованным, и она ругает себя за это.

– Эрин, – сдавлено произносит он. – Ты не чувствуешь, что я прошу делать тебя что–то... неуместное? Что я пытаюсь заставить тебя делать что–то... что–то, чего ты не хочешь?

– Нет! – в смятении восклицает она. – Конечно, нет. Я просто имела в виду что, ну, если бы вы *были* заинтересованы во мне, таким образом, я... – Она делает глубокий вздох и выпаливает: – Я не буду против этого.

– Ты... – осекается он.

Она отстраненно замечает, что его рука сжимает стойку так сильно, что белеют

костяшки пальцев. Он наклоняется вперед, будто хочет подойти к ней, но затем останавливается.

– Ты уверена? Уверена, что не чувствуешь давление? Я бы *никогда* не захотел, чтобы ты чувствовала, будто обязана...

– Нет, нет, это не так, клянусь. И то же самое касается вас, если вы не хотите, *пожалуйста*, не чувствуйте, что должны...

– Если я не хочу, – ошеломленно повторяет он. Его глаза на мгновение затуманиваются, а затем впиваются в нее. Он шагает к ней, обходит вокруг и встает позади. Ее волосы встают дыбом, а кожу головы покалывает там, где находится его лицо, как если бы он прикасался к ней.

Он слегка проводит пальцем от ее макушки по волосам вдоль плеча и по руке. В этом прикосновении нет ничего откровенно–сексуального, но она находит его ужасно эротичным. Последние два дня в ней кипело повышенное возбуждение, и она чувствует себя взвинченной и нуждающейся.

– Пожалуйста, – всхлипывает она, шокированная, что произнесла это. Она считает себя гордой женщиной, вероятно, в ущерб своим интересам. Обстоятельства того, что она убирает дома, в то время как ее одноклассники гоняют на "Мерседесах" перед уроками, должны унизить ее, но ее это не трогает.

Она похожа на него – никогда не просит ни денег, ни выгоды, ни уж тем более секса. До этих пор она ждала, *нуждаясь* в нем, странное, но очень реальное чувство.

К счастью, он согласен.

– Боже, да, – выдыхает он ей в волосы. – Идем. Поднимемся наверх, там тебе будет удобней.

Он ведет ее наверх. Она замечает пыль, скопившуюся в углу, и внезапно вторгается реальность, *она здесь, чтобы убирать, а не чтобы заниматься сексом, но она отбрасывает ее подальше.* Она слишком долго и слишком сильно нуждалась в этом. Она хочет воспользоваться моментом без извинений перед собой или кем бы там ни было.

В спальне он закрывает дверь. Кроме них двоих в доме никого нет, но это добавляет интимности моменту. Эта встреча не случайная, но тайная. Она стоит, глядя на кровать, и с трудом сглатывает. Он подходит к ней сзади и снова зарывается лицом в ее волосы. Забавляясь, она мысленно отмечает запастись этим шампунем. Но затем жар его тела и его собственный древесный аромат окутывают ее, и она забывает об остальном.

Его руки бережно ложатся на ее плечи, затем скользят вниз к груди. Он накрывает ее ладонями через одежду, и на миг ее дыхание сбивается. Его руки опускаются к ее талии, затем ныряют под рубашку и бюстгальтер, чтобы коснуться голой кожи. Убираясь, она носит одежду для йоги, в которой так легко маневрировать, она достаточно эластична, чтобы предоставить ему свободный доступ.

Он ласкает ее грудь, поглаживая и пощипывая соски, пока они не начинают ныть. Останавливается, чтобы поднять ее рубашку и бюстгальтер, он возвращает руки на ее грудь – слава Богу. Его дыхание, горячее и частое, ощущается на ее плече. Какое зрелище – ее оголенная и покрасневшая грудь.

– Так прекрасна, – шепчет он.

Когда он щипает сильнее, она стонет. Ее бедра подаются назад в поисках трения, трения обо что–то. В ответ на ее непроизвольную мольбу он просовывает руку за пояс ее штанов и двигается к холмику, пока не находит ее мокрые складочки.

Когда его руки интимно касаются ее там, его рот дотрагивается до кожи на ее шее, слегка целуя и посасывая. Он продвигается дальше в нее в поисках ее влаги, его большой палец кружит и щелкает по клитору. Ее голова падает ему на грудь, когда она отдается наслаждению. Его пальцы скользят вниз в ее складки и проскальзывают внутрь, а его ладонь ласкает ее киску. Ее бедра дергаются, бездумно стремясь к кульминации.

Она попадает в водоворот удовольствия и облегчения. Ее насытившееся тело расслабляется напротив него.

Напряжение этих последних дней, и если быть честной месяцев, наконец, отпускает.

Он полностью раздевает ее и укладывает на постель. У нее нет сил его остановить.

Нет желания.

К тому времени, как она возвращается на землю, она уже лежит на кровати совершенно голая, а он стоит на коленях между ее ног. Она только мельком видит его изрезанное лицо и восставшее возбуждение, прежде чем он наклоняет голову и снова возносит ее до небес.

Он щедрый любовник, который доводит ее до оргазма 4 или 5 раз – она сбилась со счета. Он заставляет ее кончать снова и снова, ртом и своими пальцами.

– Да, да, вот так, – стонет он, когда она кончает.

Она вспоминает, как они обсуждали его работу или ее занятия в колледже. Он всегда яростно спорил и выигрывал дебаты, но когда побеждала она, он не выглядел злым или расстроенным, наоборот, он будто смотрел на нее с гордостью. Даже торжественно. Будто ее победа, была его победой. И сейчас ее экстаз, становился его экстазом. Он неумолим в своем стремлении к ее удовольствию, безошибочно понимая ее стоны и отзывчивость.

– Ты прекрасна, – бормочет он у ее горла. – Так чертовски прекрасна. Словно богиня. Словно воин. Будто ты можешь меня убить, и именно это ты и *делаешь*. Простой взгляд разрушает меня. Я люблю смотреть на тебя. Я мог бы вечно смотреть на тебя, распластавшуюся так. Откройся мне, мокрая и разгоряченная, навсегда, и мы никогда не устанем.

Она читает его статьи, трактаты и интервью. Его слова такие простые и ясные, наполнены сухим юмором, но таких слов она раньше не слышала. Эта почти "поэзия–любви–и–секса" плавит ее повсеместно.

Ее тело билось, изнывая от кульминаций, а сердце переполнено его щедростью.

Она хотела сделать что–то для него. Она хотела сделать для него все.

Эрин протягивает руку и касается его, вызывая у Блейка вздох. Пульсирующий ствол дергается от желания, но он отстраняется. Со своего места она не может дотянуться до него, после того, как он отодвигается.

Он снова касается ее, и она болезненно вздрагивает.

– Просто позволь мне доставить тебе удовольствие, – шепчет он. – Позволь мне удовлетворить тебя.

Его ласки становятся мягче. Она стонет, и ее ноги расслабляются, снова раскрываясь.

– Да, – бормочет он. – Да, вот так. Хорошая девочка.

Его пальцы раздвигают ее складки, блестящие и припухшие.

– Я заставлю тебя почувствовать такое удовольствие… – говорит он. – Такое удовольствие, что тебя не будет заботить, что это я.

"Погодите, что?" – Она пытается протолкнуться сквозь пелену страсти.

– Тебе будет так хорошо, что ты забудешь, что это я, – шепчет он, уставившись на ее раскрытые в приглашении ноги. – Ты не пожалеешь. Я не позволю тебе пожалеть, – обещает он.

– Остановись, – выдыхает она, и он одергивает руку. – Что... Что ты сказал?

Он качает головой, и чувственная дымка немного рассеивается в его глазах.

– Мне жаль, – говорит он. – Ты хочешь... остановиться? Ты закончила?

– Нет, я не хочу останавливаться, – отвечает она. – Я хочу продолжить делать это *с тобой*. С тобой! – раздраженно выдыхает она. – Ложись, – командует Эрин.

Он удивленно моргает, но слушается. Не давая ему возможности отвергнуть ее, она тянется и снова сжимает его член. А потом берет его в рот.

– О Боже, *да*, – кричит он, прямо как тогда, когда он удовлетворял себя, думая о ней.

Но на этот раз все происходит по–настоящему, и она собирается удостовериться, что он об этом знает.

Она смакует вкус его желания, выстреливающий ей на язык, и глубоко вдыхает мужской мускусный запах его тела. Его бедра дрожат. Вся эта мужественность и мощь дрожит под ее ртом. Это опьяняет ее.

Она берет его глубже, а затем почти до конца выпускает. Туда–сюда. Глубже и глубже. Ритмичное скольжение его члена между ее губ, похоже на песню.

Этот человек так добр и так любезен, и как так вышло, что он ставит свою ценность под сомнение из–за шрамов? Это нелепо. Те шрамы, полученные в бою солдатом, доказывают его отвагу и честь. Это еще один пример, как он защищал других, как когда он вступался за неслыханное количество людей в том, что он писал.

"Как он смеет... Как *он* смеет ставить под вопрос свою ценность?" – Он является всем, чего можно только желать найти в мужчине. – "Я люблю его… *Что за черт?* Откуда взялись подобные мысли?" – Она удивленно распахивает глаза, только чтобы обнаружить, что он так пристально смотрит на нее, будто может съесть в одиночку. Он выглядит таким свирепым и сексуально–устрашающим. Ее глаза расширяются от голода в его взгляде.

Сквозь возбуждение ему удается слегка улыбнуться и нежно коснуться ее щеки.

– Все нормально, – мягко произносит он. – Ты не обязана смотреть.

Он думает, что она не хочет смотреть на него, видеть его прекрасное лицо? Он думает, что она хочет притвориться, будто кто–то другой лижет и ублажает ее?

В ней растет злость. Злость на то, что он сомневается в себе. Он сомневается и в ней, думая, что она мелочная. Злость на безликих людей, которые изранили его внутри и снаружи.

Так не должно быть. Она докажет ему это. Даже если этот день – все, что у них есть, он узнает себе цену.

В отместку она сжимает губы и начинает сосать изо всех сил. Он приподнимает бедра и стонет, беспомощно закрывая глаза.

Она продолжает свой натиск, используя сильное всасывание и устойчивый ритм. Она берет его глубоко, слишком глубоко. Она практически касается им горла, пронзая его членом свой рот, но ей все равно. Она сосет и занимается сексом с ним так сильно, как только может, будто его член – это ее спасательный круг; возможно, так и есть.

Он толкается бедрами вверх, бездумно пытаясь войти глубже, прорваться дальше. Она пытается ему угодить, опуская голову ниже, упираясь губами в волосы у основания. Стон поднимается из глубины его горла. Она могла бы кончить только от этого звука, если бы ее руки были свободны, и она смогла бы коснуться себя, но они заняты. Его член практически душит ее, но *это* кажется таким незначительным.

Когда все заканчивается, он лежит в после оргазменном ступоре, протягивая руки вниз в поисках связи с ней. Дымка насыщенности проникает в нее. Она взбирается вверх по его телу и укладывается калачиком на сгибе его руки.

ГЛАВА 3

Блейк не собирался запрыгивать на нее в следующий раз, когда она подойдет. Это будет, по крайней мере, домогательством с его стороны. Его мозг жутко разнесло за эти дни. – "Что, если она не хотела этого? Что, если она чувствовала, будто не может сказать "нет"? Тогда это было практически изнасилование".

В любом случае, он должен быть арестован. Избит. Кто–то должен надрать ему задницу за то, что он воспользовался ей. Чертовски плохо, что у Эрин нет никого, кто бы мог это сделать.

Ни отца, ни братьев, ни "панк–задницы" парня из колледжа. Она была уязвимой, а он – последним ублюдком.

Когда она подходит к передней двери, она окликает его, как и всегда:

– Мистер Моррис, это Эрин.

Его пульс подскакивает от звука ее голоса. Член твердеет. – "Боже, нет".

Он не может этого сделать. Достаточно того, что она знает, что он грязный старик, желающий ее и воспользовавшийся ей. Хуже того, что он воспользовался ее отчаяньем, потому что ей нужно работать, чтобы заплатить за колледж, и это когда–то было его страховочным тросом, удерживающим ее рядом с ним. Он не может получить ее тело, ее невинность.

Если она *невинна*… – "Ох, она же занималась раньше сексом?" – Боже, она сосала так, как он никогда этого не испытывал. Даже перед своими ранениями, это не было так хорошо. Но ее карие глаза были так открыты, так доверчивы. Ее тело было гибким, гладким и молодым. Он всего этого не заслуживал. Вот она, входит на кухню. Невероятное тело и прекрасный ум.

– Эрин, – говорит он. – Нам нужно поговорить.

Она подмечает его тон, прикрепляя на лицо маску торжественности, но она всегда выглядит яркой. Она шагает к нему, не поднимая всезнающих глаз. Наверное, она переживает, что он снова прикоснется к ней, притронется своими грязными руками к ее телу, а его обезображенное лицо будет рядом с ее. И почему она не должна переживать? Он же животное.

– Боюсь, так не пойдет, – говорит он. – Ты больше не можешь работать здесь.

– Ладно, – спокойно отвечает она. Но ее руки дрожат. И когда она понимает, что он это замечает, она скрепляет их в замок. Она не та, кто показывает слабость на людях, а он ненавидит, что делает ее слабой.

– Ты же понимаешь, что это никак не твоя ошибка? – Спрашивает он. – Ты проделала прекрасную работу. У меня никогда не было такого чистого дома. Просто... Ну, уверен, ты понимаешь, в чем проблема. Это больше не должно произойти.

– Ладно, – отвечает она, все тем же нейтральным тоном. – Я поняла.

Он не желает причинять ей боль, но он понимает, что уже сделал это. Он думает, что она будет просто разочарована, ведь ему хочется думать, что между ними была дружба. Или, может, она чувствует облегчение, что сможет уйти от старого развратника без шумихи. Это уже намного хуже. Но он знает, в чем дело.

– Знаю, ты полагаешься на эту работу из-за колледжа. Я не собираюсь это разрушать. Я дам тебе немного денег. Такую же сумму ты бы получила, продолжая на меня работать.

Ее фасад трескается. Как и ее голос.

– Вы хотите мне заплатить?

– Ну, да, – говорит он, искренне смущенный ее горечью. Он все испортил, занявшись с ней сексом. Он заплатит за это, все верно, и никогда больше ее не увидит. Но последнее, что он может сделать – это сохранить ее обучение, а это означает, что он продолжит платить ей зарплату, которую она получала.

Она останавливается. Ее нижняя губа дрожит, но глаза вспыхивают яростью.

– Можете оставить свои чёртовы деньги при себе.

– Эрин, я не понимаю...

– Не понимаете? Я объясню вам. Знаю, я просто глупая студентка, и вам плевать. Я могу это принять. Для вас я просто домработница, и в конце концов девушка, которую можно трахнуть. Но я не шлюха. Вы не можете заняться со мной сексом, а потом *заплатить*, чтобы я ушла.

Он шокирован.

– Я не это имел в виду. Конечно, ты не шлюха.

Ее лицо морщится от последнего слова. Она бросается вон из комнаты. Он догоняет ее, когда она ищет в сумочке ключи. Блейк сжимает ее руку.

– Эрин, Эрин. Пожалуйста.

Сквозь слезы она не может видеть, что делает, и в расстройстве бросает сумку, но отказывается на него смотреть.

– Эрин, мне жаль, – произносит он. – Я не должен был никогда тебя касаться. Ты заслуживаешь намного больше, чем...

– О, только вот этого не надо, – кричит она, наконец поворачивая свое заплаканное лицо к нему. – Знаете, я бы все отдала, чтобы быть с вами. И я взяла бы это любым способом, каким вы способны мне это дать, но только если вы не собираетесь мне за это платить. Я не могу быть проституткой, даже для вас.

– Я не хочу этого, – говорит он. – Я хочу тебя, и это все. Я просто не могу обладать тобой. Ты так прекрасна и молода, а я...

– Шшш, – шепчет она. – Хватит. Это все, что нам нужно было сказать друг другу. Если ты имел в виду то, что сказал, если ты действительно меня хочешь, этого достаточно для меня.

– Но так не должно быть, – сердится он. – У тебя должны быть стандарты. Ты...

Его голос прерывается, когда она хватает подол своей рубашки и стягивает ее через голову. Ее спортивный бюстгальтер едва ее прикрывает, показывая тугие соски. Ее талия переходит в широкие бедра, обтянутые черными брюками. У него пересыхает во рту.

Предупреждающие колокольчики звенят у него в голове. Он сказал, что больше этого не сделает, больше не прикоснется к ней, больше не будет ей обладать. Но затем она снимает бюстгальтер, а его разум блаженно молчит.

Он ничего не может поделать. Со стоном капитуляции он притягивает ее в свои объятья для медленного томного поцелуя. Это снова происходит. Все последствия потом свалятся ему на голову, но сейчас он должен попробовать ее, почувствовать ее под собой, притвориться.

"Прекрасная, прекрасная". – Он хочет прикоснуться к ней во всех прекрасных местах, но они везде. Ее пухлые губы, но нет, их надо изучать ртом. А эти полные груди с бронзовыми наконечниками – они созданы для его рта.

Но ниже находится мягкий женственный изгиб ее живота, плавные линии и тени.

А еще ниже – ее атласная сексуальность, но он не в состоянии прикоснуться ко всему и сразу.

"Постепенно", – этим был поглощен его разум, – "сейчас, сейчас. Прикоснись к ней сейчас. Возьми ее сейчас". – *Сейчас она принадлежит ему.*

Слишком поздно он замечает ее руку, нажимающую на его грудь, останавливая его. Она хочет, чтобы он остановился. И он остановится. Конечно, остановится. Он никогда никого не изнасилует, особенно ее. Не его уродливое лицо и слишком старое тело.

Но он видит, что в действительности она не останавливает его. Она берет его за руку и ведет в спальню. Снимая трусики, она заползает на кровать. Ее ноги раздвигаются в приглашении, в истинно женской манере. Раздвигаясь, но очень скромно.

Прежде чем он может придумать любую причину этого не делать, он уже обнажен ею по пояс. Мужчина теряет голову. Она сосет, ласкает и *подводит* его к разрядке. Его рациональная часть мозга кричит, что он должен ее остановить. Но его ошарашивает тепло их тел.

Она все ему возвращает. Трогает его, пробует его. Ее рот прокладывает себе дорожку вниз, и он этого желает, – "Боже, да".

Теперь еще он думает, что не сможет долго протянуть. Он знает, что не сможет, поэтому останавливает ее.

– Детка, – шепчет он, она останавливается и смотрит на него. Он легонько толкает

назад ее плечи, не в силах сказать что–то еще.

"Детка". – Она принадлежит ему.

* * *

По его настоянию, Эрин обхватывает руками колени.

– Да. Вот так, вот так.

Положение не имеет значения, пока он будет находится внутри нее – во рту или *где–либо еще*. Она безумна, в необходимости держать его тело при себе.

Резкий разрыв девственности, короткая пауза, и вот он внутри нее. Его член входит в нее сзади. Его большое тело накрывает ее спину, пока он шепчет ей на ухо:

– Детка, ты такая горячая. Ты знаешь, как сильно я тебя хочу? Это все, о чем я могу думать. Ты делаешь меня глупым. Моя. Моя!

"Это хорошо". – Правда... ее мысли возвращаются к их первому разу и к тому, что он сказал. – *"Ты не обязана смотреть"*.

Он делает именно это? Делает так, чтобы она не видела его? А она хочет его видеть. Более того, она не хочет, чтобы он так думал. Она начинает переворачиваться, но он прижимает ее спину сильной рукой.

– Не понравилось? – пыхтит он.

Она может ощутить, как он меняет положение тела и…

– Да! – Так *стало* лучше. Хотя не в этом дело. Не в этом проблема.

Она дергается так, что у него не остается выбора: держать ее или отпустить. Он отпускает. И всегда будет, она это знает. Он хочет всегда быть с ней нежным.

Не дав ему возможности передумать и отстраниться, она переворачивается, раздвигает ноги и направляет его член в свою киску. Его глаза расширяются, будто он хочет возразить, но потом, они скользя соединяются.

Он низко и хрипло стонет:

– Так хорошо. Моя.

Она хочет на это улыбнуться – она обожает, когда он так говорит. Она хочет, чтобы он никогда не останавливался, но она не в состоянии улыбнуться. Ни тогда, когда давление, напряжение, радость – все это возносит ее все выше и выше. Она едва может дышать, когда достигает вершины, какая там улыбка? Она кончает со сдавленным криком, он следует за ней, ощущая ее оргазм, пока она выжимает его.

– Эрин, – бормочет он в ее волосы. – Не уходи. Не уходи никогда... Люблю тебя.

Он замирает под ней. Она почти может слышать, как он размышляет: сначала воспроизводит то, что только что произнес, а затем ищет, что бы сказать еще.

Она поднимает взгляд и дотрагивается рукой до его щеки. Той щеки, к которой ее свободная рука оказывается ближе, поврежденной и изрезанной, и она поглаживает большим пальцем слишком гладкую и бесцветную кожу.

– Я тоже люблю тебя, – шепчет она.

Он стонет и закрывает глаза, поворачивая голову навстречу ее ласке.

Больше книг Вы можете скачать на сайте - Knigolub.net